

УДК 808.2–1/8

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО
В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИканд. филол. наук, доц. Е.Ю. МУРАТОВА
(Белорусский государственный университет, Минск)

Рассматривается специфика функционирования прилагательного в поэтических текстах М. Цветаевой. Показано, что для лирики поэта характерна тенденция создания окказиональных слов на основе продуктивных моделей, существующих в естественном языке; наблюдается изобилие прилагательных, созданных при помощи дефиса, а также прилагательных, имеющих узуальные дублеты, но отличающиеся формой, которая начинает играть в поэтическом тексте смыслообразующую функцию. Выделяются неuzuальные формы сравнительной и превосходной степени прилагательных, в частности образование форм степеней сравнения от относительных прилагательных. Свою специфику имеют краткие формы, получающие в поэтическом тексте специфические экспрессивные свойства.

Введение. Каждый язык даже в системном своем состоянии представляет собой функционально-коммуникативную, т.е. функционирующую систему. И в этом плане он является не только структурно-системным, но и динамическим образованием. Общие закономерности поведения систем, порождающих сложные режимы, позволяют рассматривать на содержательном уровне многие вопросы: уровень сложности восприятия окружающего мира как функция словарного запаса воспринимающего субъекта; роль хаотических режимов, их особенностей в формировании смысла; грамматические категории как носители семантического содержания. Все это более чем актуально для поэтического языка и может позволить объяснить законы гармонии на языке более универсальном, чем язык субъективно-эмоциональных переживаний.

Хотя грамматика представляет собой строго организованную систему, развивающуюся по своим внутренним законам, тем не менее она обнаруживает и подвижность, и гибкость, обусловленные асимметрией формы и содержания. Традиция изучения грамматики лирического текста опирается на представление о наличии «особого уровня грамматической образности в поэтическом тексте» [1, с. 348]. Соположение терминов «грамматика» и «поэзия» впервые появилось у Г.Г. Шпета: «Поэтика в широком смысле есть грамматика поэтического языка и грамматика поэтической мысли» [2, с. 2]. Р.О. Якобсон в 30-е годы XX века сформулировал тезис о том, что в поэзии грамматические средства выполняют эстетическую функцию и их семантическая поэтическая нагруженность может быть не меньшей, чем у лексических единиц [3, с. 462; 4, с. 215].

Основная часть. Рассмотрим особенности возникновения грамматической образности поэтического текста на материале лирики М. Цветаевой. Грамматическая составляющая семантического плана поэтического текста в лирике М. Цветаевой проявляется и эксплицируется на уровне разных частей речи и разных грамматических категорий, но наиболее интенсивно словотворчество и открытие языковых потенций наблюдается при использовании поэтом трех основных частей речи – существительного, прилагательного и глагола.

Создавая и используя неuzuальные формы имени прилагательного, поэтесса преодолевает стандарт в морфологии, высвобождая специфическую энергетику поэтического слова. Для лирики М. Цветаевой в отношении прилагательных характерна тенденция создания окказиональных слов на основе продуктивных моделей, существующих в языке.

Создавая по стандартной модели новое слово, М. Цветаева тем самым решает важную художественную задачу – через созданное ею единственно необходимое слово передать сложный, многоаспектный смысл, например: *Под фатой песнопенной*, / *Последнюю славой* / *Пройдешь – покровенной* [5, с. 73]. Сложное прилагательное *песнопенный*, созданное Цветаевой, вербализует образ славы, а именно: фата, сотканная из песен, развеваемая на ветру, как пена. Кроме того, лексемы *пенный* и *пение*, хотя и не являются однокоренными (в первой корень *пен-*, во второй – *пе-*), тем не менее идентичность звукового комплекса *пен* в обеих лексемах не может не влиять на смысл, т.е. в прилагательном *песнопенный* усиливается инвариантная сема значения *петь*, *песня*, *пение* и под. Особую форму и смысл имеет прилагательное *покровенный*, которое не наблюдается в узуальном употреблении. Певец покрыт фатой славы, но какова эта слава? Как ее оценивает поэт? Ответ на этот вопрос дает именно форма прилагательного *покровенный*. Цветаева не использует узуальную форму *покровный*, а использует модель однокоренного слова *сокровенный*, тем самым вкладывая в значение *покровенный* не только сему покрова, но и сему таинства, возвышенности, сокровенности такой славы. Таким образом, созданное по системной модели окказиона-

нальное прилагательное *песнопенный* передает цельнооформленные новые кванты художественного смысла.

Для поэтики М. Цветаевой характерно изобилие прилагательных, созданных при помощи дефиса. Составляющие элементы таких сложных прилагательных чаще всего являются узуальными лексемами, но в итоге образуются новые слова, впервые (а часто – единожды) появившиеся именно в цветаевской лирике. Кроме того, сам факт нестандартно высокой частотности таких форм в идиостиле поэта является неузуальным явлением: 1) *Он, вечно-светел, вечно-юн*; 2) *Ты был мой бред... светло-немудрый*; 3) *скалы заманчиво-сыры*; 4) *светло-несчастен... влюбленно-смел*; 5) *...ее уста... стройно-прямые*; 6) *...движенья таинственно-хрупки*; 7) *Ей все казались странно-грубы*; 8) *...светло-надменная княжна*; 9) *Люблю тебя, призрачно-давний*; 10) *В небесах фиолетово-алых*; 11) *И улыбка измученно-злая*; 12) *Уж ваши речи странно-жутки*; 13) *Колдун безобидно-лукавый, ...до гроба застенчиво-юн*; 14) *...на дружески-скучные лица*; 15) *В своем мирке невинно-детском*; 16) *В зале облачно-лиловой*; 17) *И чей-то взор неумолимо-грустный...*; 18) *...ей знаком бессильно-нежный рот*; 18) *...нежно-сплетенные руки...*; 19) *...неуверенно-робкой походкою*; 20) *...неназванно-сладостной муке и др.*

Отдельно необходимо отметить ряд прилагательных, имеющих узуальные дублеты, но отличающиеся в лирике М. Цветаевой формой, которая начинает играть в поэтическом тексте смыслообразующую функцию. Например: *Уронив лобяной облом / В руку* [5, т. 2, с. 92]. От существительного *лоб* системно образуются прилагательные *лобастый, лобный, лобовой, налобный, надлобный*. Употребив при образовании данного прилагательного суффикс *ян-*, поэт тем самым усиливает, с одной стороны, сему отношения, с другой – акцентирует внимание на существительном *облом* именно такой формой прилагательного, являющегося в предложении определением: голова не просто положена на руки, здесь метафорически выражена боль, обрывки тяжелых мыслей, от которых бесконечно устала лирическая героиня, именно *лобяной облом* уронен в руку.

Идиостиль М. Цветаевой отражает особый тип полифонического художественного мышления. Полифония слова как реализация разных смыслов слова в едином речевом акте в поэтическом языке Цветаевой проявляется постоянно. Если полисемия можно назвать языковой многозначностью, то полифония – это многозначность речевая; если полисемия предполагает дизъюнкцию значений, то полифония, наоборот, – их конъюнкцию: *Цыган в мешке меня унес, / Орел на вышней на утес / Восхитил от страды мучной.* / – *А волк у ног лежит ручной* [5, т. 1, с. 1020]. Относительное прилагательное *мучной* узуально имеет значение «приготовленный из муки, с большим количеством муки». В контексте данная лексема хотя и имеет отношение к муке, но только косвенное: *страда мучная* – это напряженная летняя работа в период косы, жатвы и уборки хлеба. Кроме того, употребление именно прилагательного *мучной* рождает дополнительную ассоциативную связь, связанную не только с мукой, но и с мучкой, т.е. с трудом, потом, жарой летнего страдного времени.

Иногда наложение значений носит более сложный характер: *Белый был – красным стал: / Кровь обагрила. / Красным был – белым стал: / Смерть побелила.* Пересечение прямого значения «красный» и «белый» (как обозначение цвета) и переносного (как названия представителей двух враждебных армий) «пронизывает» все четверостишие. Ожидаемое одноуровневое противопоставление значений (прямое – прямому или переносное – переносному) оборачивается противопоставлением прямого и переносного значений: «*белым был – красным стал*» — перешёл к красным? Нет: кровь обагрила. «*Красным был – белым стал*» — перешёл к белым? Нет: смерть побелила. Какое именно значение реализуется в слове, объясняет только следующая строка. И это объяснение до предела сужает прямое значение слова: *красный* – только как цвет крови, *белый* – только как цвет мертвого. Краски Смерти, у которой, в конечном итоге, все и всё – одного цвета: и *красный* с *белым* и «*красный*» с «*белым*». И стоит ли это деление – уже, безусловно, не цветное – Смерти?

Во всех приведенных примерах Цветаева, как видим, намеренно сохраняет многозначность слова, преследуя конкретные художественные цели: усилить выразительность создаваемых ею образов, указать на глубинный подтекст в описываемых явлениях и событиях.

В лирике М. Цветаевой можно условно выделить две группы неузуальных форм степени сравнения прилагательных. К первой относятся формы сравнительной степени, стандартно образованные от качественных прилагательных, т.е. не противоречащие системе языка, но и не используемые в узусе, не зафиксированные словарями: *Столб телеграфный! Можно ль кратче / Избрать?* [5, т. 2, с. 177]. *Но лучшие всего, всех стойче* – / *Ты, – мой наколенный стол!* [5, т. 2, с. 312]. Все повторяю я – и все жесточе [5, т. 1, с. 234]. *Как живется, милый? Тяжче ли – / так же ли – как мне с другим?* [5, т. 2, с. 243]. *Тяжче камня – / Плотский пламень!* [5, т. 1, с. 90]. *Метче гибкого хлыста* [5, т. 1, с. 189]. *Двух звезд моих не видишь – ибо / Нашел – вечнее* [5, т. 1, с. 173]. *Палестинские жили!* – *Смолы тяжеле* [5, т. 2, с. 52].

А.М. Пешковский писал: «Прилагательные *слепой, хромой, глухой* в их основных значениях лишь с огромным трудом образуют степени сравнения – мы затрудняемся сказать про человека, что он *слепее, хромее, глуше* другого. И это потому, что сами качества-то эти представляются нам абсолютными, не могущими изменяться количественно» (цит. по: [6, с. 171]). Используя сравнительную степень от такого

типа качественных прилагательных, Цветаева как раз актуализирует сему количественности, не абсолютности признака, его способности проявляться в большей или меньшей степени.

Хотя иногда неузуальная сравнительная степень в лирике М. Цветаевой может приближаться к значению превосходной степени, т.е. выражению именно предельного признака: *Хошь и нищее всех* – / *Зато первое всех!* [5, т. 2, с. 74]. Или: *Стою перед лицом* – / *Пустее места – нет!* – / *Так значит – неллицом* / *Редактора газет* – / *ной нечисти* [5, т. 2, с. 336]. Прилагательное *пустой* имеет несколько значений: 1. Ничем не заполненный. 2. перен. Опустошенный, не способный чувствовать, мыслить. 3. перен. Несерьезный, духовно ограниченный (о человеке). Словоформа *пустее* реализует одновременно все три значения данного прилагательного. Такой синкретизм значений позволяет сравнить читателей и создателей газет по степени пустоты. Ненормативная форма степени сравнения акцентирует внимание на слове, делает его особенно значимым. Читатели, воспринимающие газетную пошлость, обезличены. «Писатели», создающие эту пошлость, виновны больше, до предела, поэтому и лицо редактора не просто *пустее*, а *пустее нет* – оно определяется высшей степенью пустоты. Стремление преодолеть ограничение, заложенное в лексическом значении слова, приводит поэта к углублению в его смысл. Лейтмотивом стихотворения становится мысль о разрушении цельной личности под влиянием ложных ценностей, воцарившихся в бездуховном мире.

Вторая группа (значительно меньшая по составу) представлена формами сравнительной степени, образованными от относительных прилагательных: *Пусть ни единой травки*, / *Площе, чем на столе...* [5, т. 2, с. 308]. *Снеговее скатерти*, / *Мертвец – весь сказ!* / *Вся-то кровь до капельки* / *К губам собралась!*

Образуя формы степени сравнения от относительных прилагательных, М. Цветаева актуализирует все их качественные потенции, при этом относительное прилагательное не переходит в качественное, но приобретает большую семантическую емкость, одновременно выражая несколько смыслов.

Встречаются и более сложные случаи, обусловленные парадигматической несовместимостью лексических и грамматических значений, в частности образование нестандартной сравнительной степени прилагательного от существительного: *Тишаю, дичаю, волчею...* / *Чего-нибудь жалко – так сына, – / Волчонок – еще поволчей!* [5, т. 2, с. 328]. Об образовании данной формы именно от существительного *волк*, а не от относительного прилагательного *волчий* указывает контекст и представленное в нем словообразовательное гнездо «волчонок, волчею, поволчей», в котором Цветаева употребляет и глагольный окказионализм *волчать*. Другой аналогичный пример: *Платных теснот* / *Ночных – блаже вода!..* / *Любить – блажь и беда!* [5, т. 2, с. 230]. С синхронной точки зрения перед нами явные окказионализмы *поволчей*, *блаже*, но в аспекте диахронии такие формы являются системными и свидетельствуют о древнем синкретизме именных форм, на что указывал еще А.А. Потебня (на формы типа *снежнее*).

Образование форм превосходной степени также имеет свою специфику. Например, неузуальное использование приставки *наи-*: *Наимладшему из них тринадцать*, / *Наистаршему под двадцать лет* [1, с. 173]. Нетипичность, избыточность использования данной приставки проявляется в том, что сама форма и лексическое значение лексем *старший* и *младший* уже предполагает сему возрастной максимальности и минимальности. Хотя может быть несколько старших или младших братьев, и среди них может быть самый старший и самый младший, что вербально и наблюдается в узусе. Но в цветаевском идиостиле эти лексемы обязательно включают семы максимума и минимума. Например, в одном из писем она пишет: «Да, слабые в мирах сих, к коим и я принадлежу, старшие своих лет – с колыбели! Старшие ревности (собственности), старшие гордости» [5, т. 6, с. 616]. В этом примере помимо реализации качественности у существительных «ревности» и «гордости» наблюдается и окказиональное управление – «старшие своих лет» (при узуальном – «старше чего-то или кого-то»); посредством такого управления прилагательное «старшие» субстантивируется, приобретая глубинный смысл – старшие всегда. В предложенном стихотворении приставка *наи-* более явственно проявляет сему предельной степени качественности, что и придает лексемам семантическую глубину и многоплановость.

Для поэтики М. Цветаевой наиболее характерно образование превосходной степени прилагательных при помощи одновременного использования приставки *наи-* и суффикса превосходной степени: *Наинасыщеннейшая рифма* / *Недр, наинизший тон* [5, т. 2, с. 250]. *На заре – наимедленнейшая кровь*, / *На заре – наиявственнейшая тишь...* / *Око зрит – невидимейшую даль*, / *Сердце зрит – невидимейшую связь...* / *Ухо пьет – неслыханнейшую молвь*, / *Над разбитым Игорем плачет Див...* [5, т. 2, с. 98]. Такие формы подтверждают характеристику М. Цветаевой как поэта безмерности, а ее поэтику – как поэтику предельности, причем «предел предстает решающим испытанием и условием перехода в иное состояние» [7, с. 4]. Если в мире что-то *наимедленнейшее* или *наинасыщеннейшее*, то **что** за этим – какое состояние? И как вербально оно может быть выражено, если языковой «предел» уже достигнут? М. Цветаева сама писала, что «для меня все слова – малы», и тем не менее находила и использовала как интуитивный лингвист потенциальные возможности языковой системы. В частности, усилить степень признака можно при помощи градации однокоренных слов. Так, при использовании превосходной степени у М. Цветаевой практически всегда наблюдается соединение однокоренных прилагательных (нулевая степень + превосходная): *Последнею славой* / *Встаешь, – безымянной...* / *Последнейшая, не пускавшая рук!* [5, т. 2, с. 73]. У *по-*

следней, последней из всех застав, где начало трав... / Ту последнюю – дальнюю – дальше всех / Дальних – дольше всех... / Далечайшую... [5, т. 2, с. 151]. Причем во втором примере благодаря паронимической аттракции (*дальше – дольше*) в превосходной степени прилагательного *далечайшая* проявляется не только сема бесконечного пространства, но и сема времени, которые становятся символами одиночества лирической героини во времени (вечности) и в пространстве.

Свою специфику в лирике М. Цветаевой имеют краткие формы прилагательных. Среди этих лексем также выделяются две группы: краткие формы, образованные от качественных прилагательных, но не встречающиеся в узусе, и краткие формы, образованные от относительных прилагательных, что является не характерным для русской языковой системы. С точки зрения языковой системности образование краткой формы от относительных прилагательных обусловлено развитием нового качественного значения у относительного прилагательного, благодаря чему краткая форма получает специфические экспрессивные свойства. *Не приземлист – высокоросл* [5, т. 2, с. 94]. *Этот бой с любовью / Дик и жесткосерд* [5, т. 2, с. 121]. *Иссыхающая нива – / Божескому, нелюдску* [5, т. 2, с. 328]. *Гзакова лесь – / Плеть скакова!* [5, т. 1, с. 60]. *Только в тоске мы победны над скукой* [1, с. 65]. Краткая форма онтологически более категорична, поскольку ею выражается не отвлеченный, пассивный признак, а, наоборот, конкретный, способный развиваться во времени признак лица или предмета. Кроме того, экспрессию и выразительность усиливает динамизм «укороченной» нестандартной формы, квалифицирующие свойства (содержание элемента оценки), вообще характерные для кратких форм прилагательных.

В лирике М. Цветаевой встречаются краткие формы прилагательных, образованные от страдательных причастий: – *Лжемариною / В сизые гряды!* – / *Я княгиня твоя / Безоглядна...* / (*Не гордыня ли / Неодоленна твоя, / Неомоленна твоя? / Проваленна твоя!*) / *Недотрога твоя / Необгонна* [5, т. 2, с. 113].

Как писал В.В. Виноградов, процесс распада глагольности в системе причастий на *-нный* очень жив и интенсивен в современном русском языке, но причастия на *-нный* и *-тый* непродуктивны. Живые формы таких причастий (типа *читанный, писанный, тертый*) немногочисленны. Кроме того, развитие качественных значений более свободно протекает в членных формах, хотя оно передается и кратким формам. В данном стихотворении М. Цветаева не только активно использует «неактивную» языковую модель образования кратких форм прилагательного, но и создает их на базе окказиональных полных причастий *неодоленный, неомоленный, проваленный, необгонный*.

В стихотворении, посвященном Б. Пастернаку, М. Цветаева пишет: *В мире, где все – / Плесень и плюж, / Знаю: один / Ты – равносуц / Мне* [5, т. 2, с. 238]. В идистиле М. Цветаевой прилагательное *суций*, утратившее в современном русском языке глагольность, имеет важное значение. Смысл его у Цветаевой неоднозначен: от бытийного его значения до значения «всякий, любой, каждый»: «*Друг, забываю только бывшее, бывших. Небывшее во мне суще*» [5, т. 6, с. 617]. Бывшее, бывшие: нечто (явление, ситуация, человек) случилось в прошлом, но – обязательно – ушло из жизни и из души; небывшее: не случилось ни в прошлом, ни в настоящем, но обязательно есть в душе – как потребность, сожаление, желание, предчувствие, но – есть! – а значит, только оно и суще: существует как живая, болевая точка Души. И далее в письме она сама это объясняет: «*Так я, забыв всех своих любовников, никогда не забуду Блока, руку которого никогда не держала в руке*» [5, т. 6, с. 618]. Б. Пастернак для М. Цветаевой («*Единственный мой брат в поэзии!*») не *равносуций*, а именно *равносуц* ей: только краткая форма прилагательного, с ее динамизмом, экспрессией и возможностью эволюционировать во времени, способна передать в полной степени мысль и чувство одного поэта о другом поэте.

Закключение. Проведенный анализ функционирования прилагательного в поэтических текстах М. Цветаевой показывает, что поэтический язык представляет собой открытую динамическую систему, которая включает вариативное использование основных грамматических категорий, допускает образование новых лексем по существующим и окказиональным моделям. В творчестве поэтов XX века поэтический язык стал реализовываться как сложная, часто экзистенциальная форма отражения действительности и самовыражения творящего сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цивьян, Т.В. Наблюдения над категорией определенности-неопределенности в поэтическом тексте / Т.В. Цивьян // Категория определенности / неопределенности в славянских и балканских языках. – М., 1979. – С. 348 – 363.
2. Шпет, Г.Г. Эстетические фрагменты / Г.Г. Шпет. – М., 1922. – Т. 2.
3. Якобсон, Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии / Р.О. Якобсон // Семиотика. – М., 1983. – С. 462 – 482.
4. Якобсон, Р.О. Работы по поэтике / Р.О. Якобсон. – М., 1987.
5. Цветаева, М. Собр. соч.: в 7 т. / М. Цветаева. – М., 1994.
6. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М., 1972.
7. Зубова, Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект / Л.В. Зубова. – Л., 1989.

Поступила 18.02.2008